

И.Ю. Михалко,
доцент КДА, кандидат богословия

Роль вербальной части богослужения в литургической жизни Православной Церкви

Богослужение Православной Церкви не было бы богослужением в полном смысле этого слова, если бы в нем не присутствовала вербальная (словесная) часть. Без этого Литургия немыслима.

Язык — основа человеческого общения, при помощи которой мы доносим информацию к собеседнику, делаем понятным смысл явлений и событий, выражаем свои мысли, эмоции, свое мировоззрение. Человек, его речь и сознание неразрывны¹. Язык — это “звуковая материальная оболочка мысли”², система знаков, служащая средством общения³.

Язык составляет основную часть внешнего богослужения, с его помощью мы выражаем свои чувства к Богу.

В Литургии он предназначен для истолкования обрядовых символов, обеспечивая тем самым одинаковое их понимание всеми участниками богослужения. Он выступает наилучшим средством взаимопонимания, без которого невозможен процесс общения. В богослужении “слово воздействует на слух человека, дает ему возможность и способность адекватно расшифровывать полученное сообщение, перевести воспринятую мысль в план собственного сознания без существенных потерь смысла”⁴. Поэтому апостол Павел говорит, что “вера от слышания” (Рим. 10, 17), а блаженный Феодорит (продолжая его мысль) сообщает, что “с помощью слуха мы внимаем словесам Божиим, с помощью слуха естество наше обучается”⁵.

Согласно характеру самого богослужения и характеру оформленяемого материала, слово появляется в Литургии с разным музыкальным сопровождением. “В слове получает свое выражение молитва как беседа благочестивой души с Богом, пение как средство к возбуждению благочестивых чувств и проповедь как орган к просвещению и уяснению христианских истин”⁶.

По словам архимандрита Софрония, “литургический язык призван порождать в умах молящихся ощущения иного мира, высшего”. Таким “литургическим языком” в богослужении Православной Церкви является церковнославянский.

Богослужение совершается церковнославянском языке, потому что этот язык есть “совершенной формой выражения молитвенного состояния”⁸, а использование обыденного языка невольно переносит молящегося в сферу его мирских дел и воспоминаний.

“Славянский язык есть нашей словесной иконой. Догматически это можно обосновать так же, как иконописание: как там мы поклоняемся не доскам и краске, а в видимом образе почтаем невидимый Первообраз, так и здесь мы поклоняемся не звукам и грамматическим формам, а в услышанном образе поклоняемся не услышанному Первообразу”⁹.

В Русской Православной Церкви люди сталкиваются с одной специфической проблемой, которой не существует во многих других Церквях, — проблемой малопонятности церковнославянского языка. В среде православных давно слышны призывы отказаться от церковнославянского языка и перейти на современный понятный язык: об этом говорили архиереи в период подготовки к Поместному Собору 1917 г., а также обновленцы в 1920—1930 гг.

Необходимо отметить, что проблема малопонятности церковнославянского языка, употребляемого в богослужении, возникла после раскола Православия в Украине.

В Украине предпринимаются попытки использовать на практике современный язык как богослужебный, но все они оказываются неудачными, потому что византийское богослужение “не звучит” на современном языке и люди не воспринимают его.

Те, которые призывают к реформе, не учитывают, что любой язык не есть просто сумма слов, которые можно заменить другими, более понятными. Язык выражает некую стоящую за ним реальность и приобщает к этой реальности. Язык поэзии, например, обладает только ему одному свойственным набором слов и словосочетаний, которые не употребляются в других языковых стилях. Если человек не воспринимает или не понимает стихи, виноват не язык поэзии, а отсутствие у человека дара поэтического восприятия. Задача состоит в том, чтобы научить читателя воспринимать подлинную поэзию.

Язык византийской литургической поэзии сам по себе является особой стихией, даже в том случае, когда византийское богослужение переведено на понятный язык, от человека непричастного к Церкви, требуются большие усилия, чтобы его адекватно воспринять. Вот, к примеру, одно из песнопений службы Пятидесятницы: “Божественным покровен медленноязычным мраком, извittiйства богописанный закон, тину бо оттряс очесе умного видит Сущаго”¹⁰. А вот русский перевод: “Медленноречивый, будучи покрыт священным мраком, возвестил богописанный закон, ибо отрясши нечистоту от умственного глаза, он видит Сущего”. Для слушателя, мало знакомого с библейской историей и символикой, оба текста будут одинаково непонятны, так как и в том, и в другом случае он не догадается, что речь идет о Моисее и его восхождении в Божественный мрак на вершину Синайской горы. А кто знает Священное Писание, сможет понять и славянский язык.

Церковнославянский язык никогда не был вполне понятен и всегда отличался от разговорного, даже в эпоху святых Кирилла и Мефодия, которые, воспользовавшись разговорным языком, создали на его основе новый богослужебный, или литургический, язык. Отказаться от этого языка равносильно тому, чтобы “отказаться от древних икон, заменив их более понятной живописью, отказаться от псалмодического чтения, заменив его декламацией, отказаться от хорового пения, заменив его игрой на музыкальных инструментах”. По этому поводу архимандрит Софоний (Сахаров) пишет: “Славяне промыслительно одарены благословенным языком, служившим веками для богослужения,

Священного Писания и молитвы и никогда не низшим житейским нуждам... Нет вовсе нужды заменять его языком повседневности, что неизбежно снизит духовный уровень и тем причинит неисчислимый ущерб. Все, кто искренне желают приобщиться к вековой культуре Духа, легко найдут возможность освоиться с бесценным сокровищем священного церковнославянского языка, который соответствует великим таинствам богослужения”¹¹.

Необходимо отметить, что хотя проблема церковного языка существует и требует серьезного и всестороннего обсуждения, мы, тем не менее, склонны думать, что непонятность церковнославянской службы объясняется не столько свойствами самого этого языка, сколько неподготовленностью людей, лишенных на протяжении многих веков возможности серьезно и глубоко изучать богослужения. Церковнославянский язык отличается от понятного только некоторыми грамматическими формами, семантикой отдельных слов и словосочетаний, особенностями синтаксиса, который в славянском языке чаще всего копирует греческий синтаксис, и небольшим количеством слов, отсутствующих в современных русском и украинском языках.

Итак, слово, произнесенное по закону церковнославянского, а не какого-нибудь другого языка, проникает в душу гораздо глубже и получает совсем иное воздействие. “Когда православный священник, — говорит профессор В. Ключевский, — возглашает в Алтаре “горе имеем сердца”, у верующих совершается соответствующий этому возгласу подъем религиозного настроения, помогающий отложить всякое житейское попечение. Но если бы этот же возглас священник произнес “sursum corda” — то тот же верующий, как бы хорошо ни знал, что это тот же возглас, но на латинском языке, не поднялся бы духом от него, потому что не привык к нему”¹². Это объясняется тем обстоятельством, что русский народ, в течение целого тысячелетия молившийся и служивший богослужение на церковнославянском языке, в силу закона психологической ассоциации, органически сросся именно с этим языком, воспитавшим его религиозное миросозерцание и настроение.

Лучшим доказательством достоинства церковнославянского языка как литургического служит доказательство от противного. Достаточно лишь послушать, как плоско и банально звучат молитвы на современном обыденном языке в раскольнических богослужениях. И, напротив, лаконичный и величественный язык как нельзя лучше соответствует внутренней сосредоточенности и чувству благоговения в Литургии Православной Церкви.

Итак, вербальная часть богослужения играет огромную роль в процессе религиозного просвещения человека. Церковь всегда приходила и приходит на помощь человеку в своем богослужении, вербальная часть которого, облекшись в одежды звука, определенным образом воздействует на человека: вызывает в нем чувства и переживания, располагающие человека к религиозному просвещению и нравственному совершенствованию. И тогда человек становится способным воспринять Божественные истины, ведущие его в Царство Небесное.

Библиографические сноски:

1. Библия. — М., 1983.
- 2 Евмений, игумен Психотерапия в пастырском душепопечении. // Человек — 2000 — №1. — С. 213.
3. Кондаков А. Логический словарь-справочник. — М., 1975. — С. 694
- 4 Ф Э.С Советская энциклопедия. — М., 1983. — С. 816.
5. Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969. — С. 119.
- 6 Феодорит блаж. О промысле Слово третье — Ч. 5. — М., 1857. — С. 119.
- 7 Смирнов Н. Существенные свойства богослужений Православной Церкви и составные его части. — Пенза, 1875. — С. 28.
- 8 Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. — Эссекс, 1985. — С. 229
- 9 Махотин А. О языке святой Церкви — Жизнь вечная. — 1996. — № 22 — С. 13
10. Современное обновленчество-протестантизм “Восточного обряда”. — М., 1996. — С. 41.
- 11 Минея праздничная 2-й канон утрени, песнь 1, ирмос. — С. 256.
12. Софроний (Сахаров), архим. Цит. соч. С. 229–230.
- 13 Ключевский В., проф. Курс Русской истории. — Ч 3. — М., 1904 — С 372